

**ТВОРЧЕСТВО БАХТИНА
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Н. К. БОНЕЦКАЯ. БАХТИН ГЛАЗАМИ МЕТАФИЗИКА. СПБ.:
ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ, 2016. 560 С.)**

Дарья Максимовна Епифанова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», факультет бизнеса и менеджмента,
образовательная программа «Бизнес-информатика», участница проекта
«Россия и Европа: философский диалог» (НИУ ВШЭ), 3-й курс.
E-mail: dmepifanova@edu.hse.ru

Книга Натальи Бонецкой «Бахтин глазами метафизика» посвящена истории жизни, идеям и творчеству Михаила Михайловича Бахтина. Бахтин — кандидат филологических наук, философ — теоретик европейской культуры и искусства, внесший вклад в такие дисциплины, как литература, лингвистика, культурология и смежные научные области. На сегодняшний день в гуманитарном мире Бахтин — ключевая фигура русской философии, не менее важная на Западе, чем в России. Одна из основных идей мыслителя выразилась в понятии диалога, которое фигурирует во многих его сочинениях. Автор книги, Наталья Бонецкая, анализирует определения диалога, карнавала и связанные с ними или порожденные ими концепции, выявляя единство идей философа. Однако Бонецкая не только разбирает мысли Бахтина: она будто знакомит читателя с ним. Такой подход помогает читателю по-настоящему понимать его творчество, рассуждая вместе с автором о его сущности. Книга разделена на три основных раздела: «Философ или филолог?», «Русский диалогист», «От диалога к карнавалу». Разделы разбиты на части для удобства чтения.

В начале первого раздела, в части «Жизнь и философская идея Михаила Бахтина», автор предлагает читателю ознакомиться с биографией ученого, раскрывает значимость его творчества как в России, так и на Западе. Историю развития Бахтина как мыслителя Бонецкая начинает с самого детства. Автор отслеживает, кто повлиял на становление его взглядов и мировоззрения. Уже в отрочестве закладывалась в нем основа будущих философских идей, на базе которых были написаны в дальнейшем философские, культурологические, филологические труды. Бонецкая связывает рост и взросление Бахтина как философа с последовательным осмыслением понятия «диалог». Автор показывает, как формировались его взгляды и идеи, которые привели к рождению концепции «бахтинского диалога». В юношеском кружке (1910-е гг.) молодой Бахтин погружался в бесконечные

разговоры и споры, тем самым раскрывая для себя новые горизонты. В это время также происходит развитие Бахтина как литературоведа. Его философские интересы коренятся в проблематике языка и речи. Значительное влияние на взгляды Бахтина оказали идеи М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера, которые рассматривали язык как главный и важнейший «модус бытия». В частности, работы Бахтина о Достоевском и Рабле раскрывают его потенциал и демонстрируют опыт, приобретенный благодаря развитию понятия «диалог» и поиску собственной научной индивидуальности.

В следующей части первого раздела, «М. Бахтин и традиции русской философии», автор книги продолжает разбирать идеи Бахтина, меняя направление анализа. Бонецкая рассматривает философию Бахтина в ее отношении к «русской идее», а также ее значимость на Западе. Одна из целей Бонецкой — выявить источники, повлиявшие на взгляды Бахтина, проследить формирование в сознании мыслителя базовых представлений о русской философии, ведь он национальный мыслитель, чье творчество должно быть понято в контексте принадлежности «русской идее». Несомненно, на взгляды Бахтина воздействовали идеи его учителя, яркого представителя петербургской школы философии А. И. Введенского. У Бахтина много точек соприкосновения со своим учителем, их взгляды часто совпадали. Можно сказать, что проблему «чужой индивидуальности», для Бахтина основную, в русскую философию привел именно Введенский. Бонецкая показывает, что бахтинская философия оказалась первой и единственной русской философской системой, ядро которой составляет концепт диалога. Взятую у И. Г. Фихте мысль «“Я” без “Ты” — пусто» Бахтин развивает, добавляя «Другого» — «самоценного», по Канту. Так появляется идея подчинения «Я» — «Другому».

Русская философия неразрывно связана с церковностью и религиозностью. Однако Бахтин отрицал библейскую заповедь «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», а также считал немислимой любовь к врагам. На таком примере автор показывает двойственный характер бахтинского учения.

Третья часть первого раздела являет собой статью для энциклопедии «Культурология XX век» (Левит (ред.), 1998). Благодаря такому приему Бонецкая раскрывает новые факты из жизни Бахтина, что позволяет проследить развитие взглядов русского мыслителя. Так, выясняется, что в его семье соблюдались европейские традиции. С юного возраста Бахтин свободно владел немецким языком, что позволило ему изучать работы немецких философов. А его родной брат, Николай Бахтин, о влиянии которого Бонецкая упоминала в начале книги, изучал марксизм, что также повлияло на идеи Михаила Бахтина.

Далее выясняется, что в 1920-х гг. мыслитель посещал религиозно-философские кружки. После окончания университета в 1918 г. Бахтин начал занимать-

ся редакцией книги о Достоевском, погрузился в общественную деятельность. Однако его образ жизни изменили арест и ссылка (1928) в связи с участием в религиозном кружке «Воскресенье». Несмотря на сложный период, Бахтин не потерял интерес к науке. В конце 1930-х гг. мыслитель начал сотрудничество с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького, в котором читал лекции о теории романа. А в 1946 г. защитил диссертацию, посвященную исследованию романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, получив степень кандидата наук. Книга на основе диссертации впервые была издана в 1965 г., примерно в то же время вышло переиздание монографии о Достоевском (предыдущая редакция вышла в 1929 г.).

Учение Бахтина не описывается Бонецкой как система отвлеченной метафизики или философии этики. Работу Бахтина о Достоевском автор представляет как начало его философских открытий. Как один из выводов в этой части Бонецкая подчеркивает идею романа в бахтинской концепции: литературный жанр есть проекция мировоззрения, он воспринимается по-разному в зависимости от характера изменяющейся культуры. Что касается книги Бахтина о Рабле, то она написана скорее в культурологическом ключе. Также Бонецкая раскрывает сущность понятия карнавала, которое и сегодня применяется в культурологии, филологии и близких научных дисциплинах. Бахтин видел карнавал как культурный феномен, из которого произошел роман как жанр, с ним напрямую связанный. Также автор отмечает, что представления Бахтина о диалоге культур сформировались благодаря О. Шпенглеру.

Бахтин внес в культурологию идею общения культур, раскрывая их диалогическую природу. По мнению философа, даже культуры разных эпох ведут диалог, раскрывая тем самым закрытые ранее смыслы. С этим связана категория «большого времени»: Бахтин описывает это понятие как время диалога культур, в котором возрождаются смыслы.

В следующей части раздела, «Проблема авторства в трудах М. М. Бахтина», большое внимание уделяется анализу категории автора — также одной из ключевых в системе взглядов философа. В своих работах он совместил литературоведческую линию и проблематизацию бытия, литература и философия в его методологии равноправны. Само понятие автора — «это центр, сердце бахтинской философской антропологии». Оно раскрывается философом как одновременно и жизненное, и эстетическое понятие. Второй центральной категорией, помимо автора, становится понятие «герой». Автор выделяет отличия «Я» от «Другого» в переживании, видении, понимании. Бонецкая уделила внимание эстетизации, присущей бахтинскому мировидению, которая в то же время понимается через этические идеи. Происходит пересечение, взаимное влияние этих категорий. Чтобы детальнее разобрать понятие авторства у Бахтина, Бонецкая, показывая

эволюцию взглядов ученого, отдельно рассматривает позднее творчество философа, постепенно подходя к анализу этого периода от более ранних стадий. В этой части исследовательница обращает внимание читателя на многоплановость проблемы авторства. Бахтин считал, что бытие, чтобы выразить себя, использует даже не мыслительный, а исключительно речевой аппарат автора. Поэтому философ через категорию автора выражал бытие, имеющее те же авторские права. А смысл работы точно в той же мере так же принадлежит и читателю как представителю бытия, как и писателю.

В конце первого раздела, в части «Философская эстетика молодого М. Бахтина», для более глубокого осмысления работ ученого как философа-теоретика Бонецкая обращается к его ранней эстетике, анализируя культурно-творческую среду его формирования. Она проводит параллели между размышлениями юного ученика и его учителя Введенского, усилия которого были направлены на создание нравственной философии. Но Бонецкая подчеркивает и отличие Бахтина от учителя: этическая интуиция младшего философа восходила не к этике Канта, а к этике свободы раннего Фихте. Анализ ранних трудов 1920-х гг. позволяет представить философскую систему ученого в этот период. В ней четыре составляющие: 1) рассмотрение основных, «архитектонических» аспектов действительного мира; 2) эстетическое деяние как поступок с точки зрения автора и этики художественного творчества; 3) этическая сторона политики; 4) религия. Основываясь на всем этом, автор делает заключение, что именно «первая философия» Бахтина породила его зрелую эстетику.

Второй раздел книги начинается с рассмотрения и сопоставления представленных ранее работ и идей Бахтина («М. Бахтин в 1920-е годы»). Здесь обнаружены две его ипостаси: литературоведческая и философская. Бонецкая раскрывает мировоззрение Бахтина как типичного для Запада гуманитарного мыслителя. Помимо этого, автор предлагает провести исследование его творческого образа, вернувшись к истокам развития его взглядов. Также Бонецкая выделяет период перелома бахтинской философской идеи в 1920-е гг., определяет, когда взгляды философа утратили качество чистой онтологии и переориентировались на эстетику словесного творчества, литературоведение. Исследовательница отмечает, что диалектика Бахтина в 1920-е гг. очень остра: он осознал решающую роль языка для художественной литературы. Философ уделял особое значение речевой интонации. Бахтин много писал о ней, впервые представив теорию интонации уже в 1920-х гг. Бонецкая предприняла обширное исследование творчества Бахтина этого периода, параллельно обращаясь к примерам других западных философов, таких как О. Розеншток-Хюсси. На первый взгляд, для читателя может быть неочевидным, почему Бонецкая уделила столько внимания западным философам. Однако автор показала, что благодаря сформировавшемуся на Западе

принципу диалогизма стало возможно отождествление философии и филологии, что и соответствует идеям Бахтина. При этом Бонецкая обращает внимание и на отличие идей Бахтина от других философов: для него характерно тесное сплетение диалогического экзистенциализма с эстетикой и литературоведением, не свойственное другим диалогистам.

В части «Философия диалога Бахтина» автор предлагает рассмотреть различные диалогические системы, углубляясь в каждую, чтобы выявить исходные составляющие понятия диалога. Так подход автора позволяет понять, какое место диалог занимает в философии Бахтина, а также раскрыть смысл этого многозначного понятия. Также Бонецкая выделяет черты диалога по Бахтину в отличие от западных диалогических учений. Одно из таких отличий — отсутствие Бога в определении диалога у русского философа. Даже упоминая Христа в книге о Достоевском, Бахтин обходит религиозный аспект, воспринимая Христа как «образ идеального человека». Благодаря такому раскрытию читателю становится понятно, что бахтинский диалог — социальный и секулярный. Помимо сравнения Бахтина с диалогистами, автор проводит параллель между концепциями Бахтина и Сартра. Приводя пример бахтинского диалога в книге о Достоевском, Бонецкая выделяет его сходство по онтологической структуре с диалогом Сартра. Однако взгляды философов на диалог все же отличаются: подход Бахтина оптимистичен, Сартр высказывает противоположный взгляд. Бахтин продолжал развивать свою диалогическую концепцию, переходя к новой логической стадии, выраженной в дополнении книги о Достоевском (1963) и книге о Рабле (1965).

Проведя анализ концепции диалога, Бонецкая углубляется в понятие карнавала как выродившегося диалога, а также объясняет философию языка Бахтина и его видение идеи времени. Автор предоставляет анализ этих понятий в контексте работ Бахтина, чтобы проследить формирование идей мыслителя от ранних до поздних.

В части «М. Бахтин и идеи герменевтики» исследуются более поздние работы ученого, основа и логический вектор которых были заложены в его предыдущих трудах. Герменевтика Бахтина представлена в диалогическом варианте, ставящем перед читателем вопрос о понимании текста. В подчасти «Онтология произведения» автор описывает мифологизирующую тенденцию у Бахтина и других мыслителей. Затем, в следующей подчасти, «“Понимание” и “науки о духе”», раскрывается гносеологическое, несмотря на отсутствие работ о проблеме познания, содержание идей философа. Далее отдельно выделяется подчасть «Диалог у Бахтина и диалог герменевтический», так как эти концепции различаются, и важно выделить чем. Бахтинский диалог подразумевает наличие читателя и автора, в то время как герменевтический не подразумевает диалога между субъектами: понятие используется как метафора. Далее подчасть «Язык» посвящена понима-

нию языка герменевтикой, с одной стороны, и Бахтиным — с другой. Выясняется, что понятие языка и там и там соотносится с понятием бытия, однако автор подчеркивает, что Бахтин отходит от прежних принципов герменевтики. В следующей подчасти, «Категория прекрасного», показано, что ни Бахтин, ни представители герменевтики не уделяли внимания данной эстетической категории. А заключительная подчасть — «Историзм» — раскрывает эволюцию отношения Бахтина к данному понятию: это основной принцип в ранних работах и почти незначительный элемент в поздних. Однако Бонецкая подмечает, что историзм стал снова проследиваться уже в завершающий период работы философа. В заключение Бонецкая делает общий вывод, основываясь на перечисленных подчастях: «Единственным образцом скрупулезного герменевтического исследования в творчестве Бахтина является книга о Рабле, где роман Рабле понят в русле карнавальная традиции».

В части «Эстетика М. Бахтина как логика формы» Бонецкая раскрывает одну из самых, на ее взгляд, неоднозначных сторон творчества ученого — разнообразие направленности его трудов. Связь между многочисленными работами достаточно сложно выявить без специального анализа. Автор книги решает эту задачу, объединив все труды Бахтина в одно целое через концепт эстетики в системе его взглядов: «Область Бахтина — это общая эстетика, философия искусства, так что именно категория формы может послужить ключом к ее смыслу». Проблема формы у Бахтина решалась иначе, чем у других философов, так как мыслитель не признавал «дух» как нечто предметное, а скорее рассматривал это понятие как экзистенциальное. Поэтому перед Бахтиным стояла сложнейшая задача — оформить то, что в принципе не оформляемо. Для решения этого вопроса философ прошел долгую творческую дорогу от самых ранних своих работ до поздних. Бонецкая предлагает читателю ознакомиться с основными трудами философа: «К философии поступка» (1984), «Автор и герой в эстетической деятельности» (1920-е), «Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». Так читателю дается возможность отследить воплощение Бахтиным эстетической системы. Эту часть исследовательница завершает описанием феномена распада формы у Бахтина, который в своей эстетике «хочет охватить формой всю жизненную полноту. Но форма не выдерживает такого жизненного напора». Так, роман Рабле в концепции Бахтина не обладает эстетической формой и не является фактом искусства, оставаясь лишь «куском карнавального бытия».

В следующей части, «О стиле философствования М. Бахтина», исследовательница переходит к рассмотрению указанного стиля, что позволяет ознакомиться с отличительными особенностями произведений мыслителя и провести сравнение его трудов с работами других философов. Одна из особенностей бахтин-

ского стиля — диалогическая переключка с другими мыслителями: «По мнению Н. Перлиной, поздние “работы Бахтина звучат как точные цитаты из Бубера”. “Бахтин — это «почти» Коген», — пишет В. С. Библер. “Тексты раннего Бахтина (и некоторые более поздние вещи) и исследование Мейера второй половины 20-х и 30-х годов часто «цитируют» друг друга», — сказано в статье К. Г. Исупова. А Т. В. Щитцова утверждает, что бахтинский трактат “К философии поступка” не что иное, как “творческое усвоение философии Кьеркегора”. Бонецкая раскрывает эту черту, объясняя ее не заимствованием мыслей, а диалогом с чужими идеями. Диалогический подход к предшествующим учениям — главная черта бахтинского стиля. При этом Бахтин сохраняет новизну в своих трудах, не прибегая к эклектизму. Бонецкая анализирует также полемический элемент в области диалога, напрямую связанный с индивидуальным стилем Бахтина. Автор выделяет наиболее яркие черты: 1) споря с традицией, Бахтин ведет диалог, уже имея собственные идеи, тем самым не формирует новое знание, а объективизирует свое; 2) Бахтину свойственно было спорить не с определенным философом в целом, а с выделенной им идеей; 3) современную философию Бахтин воспринимал через свое «предмнение». В частности, ощущаемый философский кризис он пытался привести к гармонии через свою концепцию, выделив противоположные воззрения и попытаться связать их. Каждый пункт исследовательница подтверждает примерами из произведений Бахтина. Так можно отследить, что стиль философа менялся. Поздний Бахтин уже нечасто прибегал к полемике, стиль его становится более монологическим. Таким образом, Бонецкая делает вывод, что ранний Бахтин пребывал в борьбе за свою идею, а поздний скорее утверждал известную ему истину.

Последний раздел, «От диалога к карнавалу», открывает часть «Мировоззрение М. Бахтина и теория относительности». Исследовательница анализирует учение Бахтина о бытии, сравнивая с воззрениями других философов, рассматривает идеи и суждения, оказавшие влияние на развитие Бахтина как философа-теоретика. Бонецкая обращает внимание читателя на то, что речь идет о теории относительности Эйнштейна в контексте творчества Бахтина, о той ее части, что посвящена связи «время-пространство» и пространственно-временным параметрам тела в движении относительно состояния наблюдающего. Бахтин опирался на модель Г. Миньковского и на следствие самой теории, заключающееся в «отмене абсолютных времени и пространства». Таким образом, в творчестве Бахтина прослеживаются релятивистские представления как «закономерное следствие кантовского философского переворота, возвысившего личность в ущерб абсолютному бытию». Например, образ человека раскрывается у философа релятивизированным, то есть философ признавал бытие человека только с точки зрения других людей. Исследовательница раскрывает мировоззрение уче-

ного на основе анализа его произведений. В заключение Бонецкая рассматривает понятие бытия у философа в контексте его творчества в целом: бытие для него кардинально отличается от платоновской традиции. Для Бахтина это событие, человеческое деяние, что ближе к традиции Канта.

Далее в части «Бахтин глазами метафизика» раскрывается самобытность мировоззрения философа. С первых предложений исследовательница задается целью раскрыть феномен Бахтина, выяснить, в чем новаторство его творчества и чем оно отличается от трудов других философов. Здесь автор объединяет особенности его учения, выделенные в предыдущих частях, в единое целое: отрицание метафизической интуиции, понятие диалога, переход от «сущностного бытия» к «бытию-событию», бахтинский релятивизм и другие особенности, которым и посвящена книга. Также Бонецкая приводит основания бахтинских идей из трудов других философов. Для этого она перечисляет оказавших влияние на Бахтина: это Г. Коген, И. Кант, Н. А. Бердяев и др. Духовный аспект бахтинского мировоззрения Бонецкая раскрывает, ссылаясь на книгу о Рабле. В работе над ней мыслитель развивает принцип ценностной относительности — антиметафизический принцип. Также автор снова прибегает к анализу работ Бахтина и к введенным им понятиям, чтобы сформировать у читателя общее понимание ценности творчества философа. Заключение части посвящено антиметафизическому понятию Бахтина «веселая преисподняя» — это хаос, где вещи теряют имена и суть, антитеза взглядам русских метафизиков.

В небольшой части «К сопоставлению двух редакций книги М. Бахтина о Достоевском» проводится анализ ранней и поздней редакций («Проблемы творчества Достоевского», 1926, и «Проблемы поэтики Достоевского», 1963) и концепции диалога. Для этого автор сначала возвращается к философии молодого Бахтина, рассматривая понятие «высокий диалог», в котором «автор» и «герой» противопоставляются. В поздней редакции философ вводит понятие карнавализованного диалога, построенного на эксцентричности, истериках. Такой переход, по мнению автора, несет в себе духовно-смысловой диссонанс, который она хотела подчеркнуть в данной части работы.

Завершающая часть книги Бонецкой, «О философском завещании Бахтина», основывается на анализе ответов философа на вопросы редакции журнала «Новый мир» (1969), которые можно назвать его научным завещанием. Эта работа посвящена отечественному литературоведению. Очевидно, Бахтин был ограничен в выражении своих взглядов, но сумел вложить в текст все выводы, полученные на творческом пути. Он сформулировал основы своего мировоззрения, описал принципы герменевтики, поднял предмет бытия духа, раскрыл позицию культурной «внезаходимости». Бонецкая обращает внимание читателя на понятие диалога культур как итог творческого развития идей Бахтина, подчеркнув

влияние Шпенглера на его формирование. Главной задачей завещания философа было раскрыть для потомков методологию литературоведения, поделиться научным опытом.

Книга Бонецкой — полное погружение в мировоззрение, жизнь и творчество ученого. Каждую идею мыслителя исследовательница раскрывает через биографические данные и влияние других философов. Благодаря многосторонности вклад Бахтина невозможно отнести к одному научному направлению. Самобытное мировоззрение философа оказало влияние как на западное, так и на постсоветское сознание, приведя его к пониманию личного мироотношения. Понятия, введенные философом, применяются и актуальны по сей день: «диалог», выходящий в «карнавал», можно наблюдать в современном обществе. Отрицание метафизической картины мира через переосмысление бытия, особенный подход и развитие идей через диалогическую ориентацию на предшествующие учения, анализ творчества Достоевского и исследование художественных принципов романа Рабле — лишь часть богатого бахтинского наследия, которое можно признать революционным для философии и литературоведения.

Литература

Левит С. Я. (ред.) (1998). Культурология XX век: Энциклопедия. СПб.: Университетская книга; ООО Алетейя. Т. 1.

References

Levit S. YA. (red.) (1998). Kul'turologiya XX vek: ENciklopediya. SPb.: Universitetskaya kniga; ООО Aletejya. T. 1.